

А.А. Григорьев

ОДИН ИЗ МНОГИХ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г83

Г83 **Григорьев А.А.**
Один из многих / А.А. Григорьев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-2785-4

Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) — русский поэт, литературный и театральный критик, переводчик, мемуарист, автор ряда популярных песен и романсов.

В издании представлена проза писателя, относящаяся к раннему периоду его творчества.

ISBN 978-5-4241-2785-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.А. Григорьев, 2021

Григорьев Апполон
Один из многих

Аполлон Григорьев
Один из многих
Эпизод первый
ЛЮБОВЬ ЖЕНЩИНЫ

- Savez-vous qu'est ce que c'est
que la vertu?

- La vertu c'est le front d'airain.

Correspondance inedite. {*}

{* - Знаете ли вы, что такое добродетель?

- Добродетель это лик из бронзы.

Неизданная переписка (франц.).}

В саду Кушелева-Безбородко {1} играл оркестр Германа, {2} старого, но вечно живого Германа, которого Гунгль вытеснил из Павловска. Народу было очень много, тем больше, что вечер стоял чудесный. По обыкновению, было больше охотников слушать музыку даром, т. е. за оградой, нежели в пределах ограды; впрочем, народ этот принадлежал или к обыкновенным жителям дачи, или к обыкновенным фланерам петербургским, которые садятся на Невском в первый свободный дилижанс и едут куда попало; в этом есть очень много наслаждения, которое, не знаю, испытали ли мои читатели.

Было уже восемь часов. Раздался оглушительный и неприятный крик огромного насекомого, которое зовут дилижансом.

Дверь ограды отворилась и оттуда вышел человек. При появлении этого человека одна из гувернанток, которых всегда так много на дачах, высокая, длинная и худая, приставила к глазу лорнетку. Ее примеру последовала и другая, низенькая и довольно толстая, с которой любезничал какой-то поручик.

Только, впрочем, и было замечательного при выходе из ограды этого человека.

Одна из гувернанток скоро обратилась с лорнетом в другую сторону, другая заметила сквозь зубы:

- On le voit tres-sauvent. {- Его часто видать (франц.).}

- C'est un habitude, {- Это завсегда (франц.).} - подхватил офицер.

Разговор тем и кончился.

Человек, который вышел из-за ограды, вероятно на призыв дилижанса, был довольно высок ростом и одет очень изящно, хотя немного странно, немного эксцентрически. На нем был черный бархатный однобортный сюртук, застегнутый почти доверху, небрежно повязанный легкий шелковый платок с большими отложными воротничками; черные перчатки обтягивали его до невероятности маленькую руку; в правой была у него палка огромной величины с искусно вырезанным черепом из слоновой кости вместо ручки. Черная бархатная фуражка без козырька, густая черная борода, довольно живописно падавшая на голландскую рубашку, и гладко остриженные волосы придавали ему какой-то особенный, оригинальный вид. В его физиономии, очень выразительной, не было ничего особенно неприятного, но бледные, тонкие губы, сжатые в вечную улыбку, но что-то слишком дерзкое в выражении больших черных глаз возбуждали чувство невольной антипатии во всем петербургском народонаселении, так привыкшем к уровню однообразных вицмундирных физиономий, так искренно неприязненным всему, что смеет носить печать какого-либо нравственного превосходства.

Увы, таковы все мы от первого до последнего; во всяком немного выдающемся выражении физиономии, во всяком непозволительно резком очертании профиля мы готовы видеть всегда что-то зловещее, что-то враждебное нам, чадам посредственности; мы хотим непременно уровня, хотя бы уровня безобразия.

Человек в черном бархатном сюртуке пошел действительно к месту отправления дилижансов.

Когда он пришел туда, места были уже почти все заняты, и на остальные было множество претендентов.

Но он вынул из бокового кармана сюртука билет и, показавши его кондуктору, беспрепятственно вступил на подножку.

Пробираясь к месту было ему, кажется, довольно трудно, потому что места были заняты дамами или почтенными чиновниками, которых физическая оболочка любит, как известно, простор.

Наконец он пробрался в самый угол и сел, не обращая ни на кого особенного внимания. Он два раза зевнул, сжал губы с особенно неприятным чувством и обратился к окну.

Я сказал, что в дилижансе сидели все чиновники и дамы, вероятно, супруги или дочки чиновников, как можно было предполагать по выражению лица, по цвету глаз, по форменным очертаниям профилей.

Все это были добродетельные матери и верные супруги, настоящие или будущие.

Но подле моего незнакомца сидели мужчина и женщина, по-видимому, не принадлежавшие к чиновному люду.

Мужчине было лет 28; его лицо, чрезвычайно свежее и нежное, было благородно и открыто, в голубых глазах светилось много добродушия и ума; вообще он был бы чудно хорош, если б был женщиной, ибо тогда не так ярко выступала бы дюжинность, повседневность его природы. Одет он был очень порядочно и просто, хотя уже слишком изысканно просто, слишком, так сказать, по-московски просто, именно по-московски - другого слова я не придумал для этой заезжей простоты, которой порядочное, почти аристократическое чувство запрещает брать пример эlegantности с посетителей кондитерских Невского проспекта, но которая попадает часто в другую крайность. Он был с головы до ног в черном, и воротнички de rigueur {пунктуально (франц.)} ни более, ни менее как на 1/10 пальца выдались из-за черного атласного галстука.

Женщина... ибо я не хочу назвать ее казенным словом "дама", этим несносным именем, добиваясь которого чиновницы часто уничтожают в себе всю свою природную женственность, - женщина, говорю я, была закрыта черной флеровой³ мантилей, и потому я могу сказать несколько слов о ее лице, но и то только несколько слов; черты этого лица были слишком тонки, даже до болезненности тонки; не одна природа так ярко очертила эти синие жилки на прозрачном облике, не одна природа так фосфорически осветила эти голубые большие глаза, создала эти бледные длинные худые пальцы, сообщила что-то мягкое, сладострастное и вместе утомленное положению этого слабого тела.

- Который час, Жорж? - обратилась она усталым тоном к сидевшему подле нее мужчине.

При звуках этого голоса, как-то странно, как-то ребячески резкого, незнакомец, неподвижно смотревший в окно, невольно полуоборотился.

Тот, к кому относился вопрос, достал часы из кармана жилета и, поглядевши на них, сказал:

- Huit heures et demie, Marie. {- Полдевятого, Мари (франц.) .}

Дилижанс тронулся. Незнакомец стал барабанить пальцами по стеклу кареты. Молчали только он и его соседи. Все остальное рассуждало довольно шумно о новом начальнике отделения и о счастии семейной жизни.

Незнакомец сидел неподвижно, грустно смотря на мелькавшую перед ним бедную петербургскую природу.

- Мне душно, Жорж, - сказала опять его соседка мужчине, который, по всем вероятностям, должен был быть ее мужем.

Незнакомец, предупредивши ответ его, машинально опустил стекло кареты. В эту минуту он оборотился совершенно, и при первом взгляде на него тот, которого женщина звала Жоржем, почти вскричал:

- Званинцев!

Незнакомец спокойно протянул ему руку с тою же неизменною, сжатою улыбкою, хотя глаза его засветились на минуту ярче обыкновенного.

- Ты ли это? какими судьбами? - продолжал с радостью Жорж.

- Судьбами очень простыми, - полушутливо отвечал Званинцев; - скорее я вправе спросить тебя... - Он не договорил и взглянул на его жену, но взгляд этот был так быстр, что мог быть замечен только той, к кому он относился.

Что касается до нее, она слишком заметно вздрогнула в первый раз, когда муж ее произнес фамилию незнакомца, и, бледная, как бы еще более ослабевшая, сидела, склонивши голову. Только украдкою, на лету почти, был пойман ею белый взгляд Званинцева, и потом она снова потушила в землю свои яркие глаза.

И что-то странное отяготело над этими тремя лицами, отяготело даже над мужем, которого веселое восклицание сменилось принужденной, суетливой радостью, и самый невнимательный наблюдатель прочел бы целую, может быть, давно минувшую повесть на этих трех лицах, на суровом, грустном, гордом челе Званинцева, в болезненно светившихся из-под опущенных ресниц глазах женщины, в неловких, несвязных речах ее мужа.

- Вот моя жена, Званинцев, - сказал наконец муж с натянутою улыбкою, вы, наденось, знакомы?

Званинцев молча наклонил голову так, что это было вместе и утвердительным знаком и поклоном.

Она на него взглянула... В скорбном ее взгляде отразился тяжелый упрек.

Но Званинцев встретил его покойно. Глаза его бестрепетно впились в нее, - и она опустила взгляд первая.

- Как же тебе не стыдно, Званинцев? - начал муж, но замаялся, встретив его спокойный, неподвижный взор.

- Чего? - равнодушно спросил его Званинцев.

- Ты знал, что я здесь, - продолжал муж.

- Все не знал, - отвечал тот, - но кстати: давно вы из Москвы? Вопрос этот ясно относился к мужу и жене.

Но ответа на него не было, потому что вслед за этим отворились дверцы дилижанса, остановившегося на одном из мостов при въезде в город, - и знакомый Званинцева рад был случаю обратить внимание на новоприбывшее лицо.

Жена его не поднимала глаз.

Званинцев также склонил голову, сжавши двумя руками костяной череп своей палки.

В дверцы дилижанса вошел молодой человек, лет 18-ти, с длинными мягкими белокурыми локонами, падавшими на плеча, одетый довольно пестро, но чрезвычайно мило и грациозно. При первом взгляде он показался бы вам прекрасной женщиной, надевшей из прихоти мужской костюм; так был нежен цвет его лица, еще не изрытого страстями, так бархатны и влажны были его темно-голубые глаза, - но, взглядевшись пристально в угловатое очертание его висков, в длинный чисто германский овал лица, вы нашли бы в нем чрезвычайно редкий мужеский тип... В его движениях было много еще почти девической стыдливости, много робости, происходящей от молодого, смиренного чувства недосоздавшейся природы, хотя вместе с тем его лицо светило благородною гордостью. Он был в той поре жизни, когда не доверяют себе и верят другим, когда благородная природа жадно стремится к совершенству и готова мучиться, проклинать, пожалуи, даже презирать себя за слабость и верить глубоко в существование избранников, которым доступно созерцание совершенства, в существование вождей, озаренных светом неба, вождей, за которыми должно идти, если нужно, в самую бездну. И потому его прекрасный лик еще дышал доверием ко всему и ко всем, еще не был сжат гордостью, не признающею ничего, кроме себя в мире.

По ногам чиновников и по платьям чиновниц он протеснился в соседство к Званинцеву, на незанятое подле него место, и сел на него, не обративши особенного внимания на физиономию соседа, которой, впрочем, и нельзя было хорошо видеть, потому что начинало уже темнеть.

Но Званинцев поднял голову - и почти тотчас же обратился к нему.

- Здравствуйте, Севский, - сказал он ему.

- М-г Званинцев! - отвечал тот с каким-то неприятным чувством, и как бы нехотя протягивая ему руку, обтянутую желтой перчаткою.

- Мы вечно встречаемся, - с легкой иронией заметил Званинцев.

- Вечно! - повторил почти с досадою Севский.

- Да... - продолжал Званинцев, улыбнувшись, - и, там, где мы встречаемся... Но, кстати, - перервал он, не докончив своей фразы, - здорова ли ваша матушка?

Это _кстати_ имело, вероятно, тайную связь с неоконченною фразою, потому что молодой человек сказал обычное "покорно вас благодарю, слава богу" изменившимся от досады голосом.

Званинцев очень нецеремонно засмеялся и оставил молодого человека рвать свою перчатку.

- Послушай, Волровский, - обратился он к своему московскому знакомцу: когда тебя _находят_ дома?

- Дома? - отвечал тот с худо скрытым замешательством и взглянул на жену, которая побледнела слишком заметно. - Дома? - продолжал он, стараясь выйти из своего неловкого положения, - но, любезный друг, всегда, т. е. почти всегда, хотел я сказать...

- Я спросил тебя потому, что мне хотелось бы к тебе заехать, - сказал Званинцев, глядя пристально на его жену.

- Очень буду обязан, - перервал муж.

Ужасное положение, когда нельзя, когда неприлично отделаться от посещения человека, которого видеть у себя неприятно.

- Хотя, право, - продолжал тихо Званинцев, - я не знаю, когда я успею к _вам_ заехать.

Молодая женщина подняла на него взгляд глубокой, стесненной грусти.

- Я сам у тебя буду, - сказал Воловский, вероятно, проклиная внутренне визиты и контрвизиты. - Где ты живешь?

- На Большой Мещанской, {5} в доме под Э 14, - отвечал Званинцев.

Дилижанс остановился еще на одном мосту.

- Кажется, нам пора выйти, Marie? - обратился Воловский к жене. Та медленно встала.

Званинцев пожал руку мужу и потом протянул руку жене.

Нерешительно и робко подала она ему свои бледные пальцы, и всякий третий мог бы видеть, как они дрожали в его руке.

Он крепко пожал их, эти бледные пальцы, и, устремив на нее долгий почти испытующий взгляд, сказал громко и резко:

- Я к вам буду.

К кому относились эти слова? Бог знает.

Но в ответ на них она послала ему взгляд, полный болезненного упрека, и, опираясь на руку мужа, вышла из дилижанса.

Званинцев долго смотрел ей вслед, сжимая череп своей палки. Потом, как бы опомнившись, обратился к своему соседу, с вечно неизменною сжатою улыбкою.

- Давно вы были у Мензбира?

- В последний раз мы были с вами вместе, - отвечал тот, скрывая досаду.

- Лидия заметно подрастает, - продолжал равнодушно Званинцев.

- Кажется, - сухо сказал Севский.

- Вы, вероятно, давно это заметили? - спросил Званинцев, не заботясь скрыть насмешливость своего вопроса.

- Почему же я, а не вы? - грубо возразил молодой человек.

- Мне некогда, вы это знаете, я всегда играю.

- И, _кажется_, счастливо, - перервал Севский, сделавши особенное ударение на слове "кажется".

- Да, в последний раз я выиграл пять тысяч у этого барона... как бишь его? - совсем забыл его имя... - ну вот у того, который всегда привозит что-нибудь Лидии.

Севский вспыхнул.

- Очень весело иметь хорошенькую дочку, - продолжал равнодушно Званинцев, - этот Мензбир, право, пресчастливый человек. Как вы думаете?.. Да, скажите, пожалуйста, кто была ее мать, гречанка, что ли? Вам это должно быть известно.

Севский не отвечал. Дилижанс остановился на Невском.

- Пойдемте вместе, - сказал Званинцев Севскому, выходя из дилижанса, нам по дороге.

- Нет, - сухо отвечал тот, - я еще зайду к одному знакомому.

- Так поздно?.. Что же скажет ваша маменька? - спросил Званинцев с явным сарказмом.

Но Севский был уже в десяти шагах от него.

Званинцев грустно улыбнулся вслед ему и повернул на Мещанскую.

Говорят, в Петербурге очень весело зимою - может быть! Я не решаю этого вопроса, потому что вообще плохой судья в веселье; но что, я знаю слишком хорошо, так это то, что летом в Петербурге необычайно скучно, особенно тому, кого не благословил рок службою в какой-нибудь канцелярии... Театров нет; ездить на дачи не стоит хлопот, потому что там точно так же играют в преферанс; в кондитерских народу мало, и только в одной из них каждый вечер толкуют об Англии и Франции, {6} о Невском проспекте и т. п.

Там есть всегда бессменные члены, и, когда вы ни придете, вы всегда найдете там седого человека с очень умной и насмешливой физиономией, - и моего приятеля *** с мифистофелевскою улыбкою на тонких губах, с болезненно-искаженными чертами, с сгорбленною и усталой походкой, с цинизмом в каждой мысли, в каждом слове, в каждом движении, с вечно злыми и страшными остротами, с вечными аневризмами сердца и боязнью за драгоценную для человечества жизнь, - и другого моего приятеля ***, которого благородная физиономия больше и больше покрывается густым слоем флегматизма, и низенького толстого человека с лицом птицы - великого мастера круглого биллиарда, спокойно поощряющего сподвижников искусства.

Но утром и в этой кондитерской очень мало народу. Один мой приятель циник сидит иногда в угловых креслах и читает новую "Presse" да но временам бросает ее с досадою, говоря будто бы про себя: "Скверно на свете жить!".

Раз - это было в светлое, довольно раннее летнее утро - в кондитерскую вошел или, точнее, вбежал уже знакомый моим читателям Севский. Он быстро подошел к прилавку и спросил какой-то конфеты-карикатуры, которой налицо не оказалось и за которой надобно было послать в другую кондитерскую.

- Warten sie nur einen Augenblick! {- Подождите минуточку! (нем.)} сказал ему прислужник.

- Jawohl! {- Конечно! (нем.)} - отвечал Севский и, положив соломенную фуражку, стал ходить по первой комнате; потом, сбросивши свое легкое пальто, отворил дверь в другую и вошел в нее.

Спиною к нему сидел человек в черном бархатном сюртуке, по очертанию гладко остриженной головы которого ему нетрудно было узнать Званинцева.

- Вечно? - сказал Севский почти вслух и хотел уже затворить дверь; но Званинцев, услышавши шум за собою, оборотился к нему с живостию и засмеялся.

- Да, вечно, вечно, мой молодой друг, - сказал он, протягивая ему через стул руку. - Вечно, везде, где бы вы ни были, вы меня встретите; таков рок.

Озадаченный этой насмешливостию, но смущенный сильно тем, что он дал вырваться из себя слову, которое, по всем расчетам, должно было остаться на дне души, молодой человек машинально пожал протянутую ему маленькую и белую руку и тотчас же почувствовал всегда неприятную ему манеру Званинцева пожимать указательным пальцем чужой пульс. {7}

- Да, таков рок, - повторил Званинцев, не выпуская его руки и продолжая щекотать его пульс указательным пальцем, впрочем, вовсе уже не насмешливо, а скорее важно и холодно. - Послушайте, - сказал он, вперивши в молодого человека неподвижный, сильный, магнетический, взгляд, - вы очень меня ненави-

дите? А? признайтесь по совести, - ведь очень? - не правда ли?

И, говоря эти слова, он положил его руку на ладонь своей левой руки и, глядя правую нежную и мягкую руку Севского, глядел ему в глаза с каким-то скорбным странно-умоляющим и вместе обаятельным выражением. Молодой человек молчал, опустивши глаза в землю; на его щеках пробился огнем румянец стыда.

- Ну, да... оно и понятно, - продолжал Званинцев, - вам велели меня ненавидеть? - И он холодно засмеялся.

Севский вспыхнул и с негодованием выдернул из рук Званинцева свою руку.

- Я вас развращаю, не правда ли? - говорил Званинцев, пристально смотря ему в лицо с насмешкою. - Ваша маменька...

Он остановился, ожидая, какое действие произведет это слово: он вонзился взглядом в свою жертву, как тигр, готовый к вечной обороне.

Натура Севского была не из тех слабых натур, которые покоряются ласковому слову: он ненавидел всякое наставничество, хотя бы в самых тонких, обаятельных формах.

Он отступил... он побледнел внезапно, как бывает со всяким человеком слишком нервного сложения.

Огненный взгляд Званинцева не упускал из виду ни одного его движения.

- Иван Александрович, - сказал наконец молодой человек, сжавши физиономию, но дрожащим от гнева голосом, - кто дал вам право говорить мне дерзости? Что вам от меня нужно?

Званинцев быстро прислонился спиной к стулу и смотрел на него, как смотрит художник на прекрасное произведение искусства.

- Ничего, - сказал он потом медленно, отвечая на вопрос, - я вас люблю.

- Я не хочу вашей любви, - почти вскричал молодой человек, судорожно сжавши спинку стоявшего возле стула.

- Да мне-то что до этого? - продолжал Званинцев, полушутливо, полугрустно, - я вас люблю, вот и все тут, я - картежный игрок, я - ужас вашей магушки, я вас люблю, я в вас люблю самого себя, свою молодость.

Севский молчал: чувство отвращения боролось в нем с чувством доверчивости его благородной натуры.

- Да, _дита мое_, - начал опять Званинцев трепетным, почти умоляющим тоном, - я вас люблю. Вам это странно? И мне понятно, почему это странно вам, у которого есть на свете привязанности.

И он вновь замолчал, ожидая действия своих слов.

Чувство симпатии, чувство сострадания явно побеждало в душе молодого человека.

Званинцев заметил это, но вместо того, чтобы пользоваться слабостью противника, он вдруг переменял тактику.

- Да, _дита мое_, - сказал он с немного насмешливым ударением на словах "дита мое": - я хочу руководить вас в жизни, я хочу быть вашим лучшим другом.

Он опять сжался, как пантера на добычу.

Севский снова вспыхнул, но, скоро выправившись, сказал очень гордо:

- Нет, нам не быть друзьями.

Угловатые линии его лба обозначились резко. Он был мужественен, прекрасен.

Званинцев лежал в креслах, скрестивши руки и смотря на него с глубокой задумчивостью.

- Итак, мы не друзья, - сказал он наконец медленно и тихо... - Так, так - иначе и быть не могло: это воля рока. И сказать ли вам откровенно, продолжал он, горько улыбаясь, - я бы презирал вас, если бы вы согласились играть когда-либо второстепенную роль. Потому-то я и имею причины вас любить, что ваша натура, как моя же, не признает над собою высшей.

Он замолчал. Севский с невольным смущением глядел на это высокое чело, осененное тяжелою думою.

- Итак, мы не друзья, - повторил опять Званинцев после минуты молчания, вставая со стула. - Мы не друзья, мы - враги.

Последние слова он произнес с безотчетной тоской и с какой-то немой покорностию рока. В этом человеке хитрость тигра беспрестанно меняла пылкие, женственные порывы.

- По крайней мере, вы хотели быть моим врагом, я вас люблю, - продолжал он.

- Я сказал вам, что не хочу вашей любви, - отвечал Севский тихо и сосредоточенно грустно.

- Да я не спрашиваю вашего позволения, - сказал Званинцев, - вас люблю и буду любить, но, не погневайтесь, любить по-своему. я вас люблю и буду любить в вас себя, и сделаю вас собою.

Такая страшная уверенность господствовала в холодном тоне Званинцева, что молодой человек отступил с невольным ужасом.

- Да, я вас сделаю собою, и тогда моя роль на свете кончена, продолжал спокойно Званинцев... - Вы и Лидия будете моими последними созданиями.

Севский, не в силах совладеть с своим гневом, сильно толкнул стул.

- Как вы еще молоды, дитя мое, - вскричал с циническим хохотом Званинцев.

Но молодой человек был уже за дверью столовой.

Званинцев с большим удовольствием погладил свою густую черную бороду и спокойно уселся за принесенную ему cotelette a la sauce Robert. {котлету под соусом Робер (франц.)}

Он съел котлету, по-видимому с большим аппетитом, взглянул потом на часы, стрелки которых показывали полчаса первого, спросил себе рюмку рейнвейна, выпил и заказал себе еще что-то.

Но вот опять отворились двери первой комнаты и в столовую вошли два новых лица.

Одному из них было лет двадцать семь. В его наружности было что-то наглое: его походка, быстрая и резкая, напоминала полет ястреба, самое лицо его созда-но было по типу головы хищной птицы. Кстати замечу, что, вовсе не будучи физиономистом и последователем Лафатера, я привык распределять человеческие лица по сходству их с головами животных, и вот что извлек я из моих наблюдений: люди, похожие на хищных птиц, обыкновенно, очень смелы, даже дерзки - это их общее качество, но ястребиные физиономии принадлежат по большей части трактирным героям. Другое дело физиономия орлиная, которую